

ВЫЛЮБИ ЕГО
И ВЛЮБИ

МАЛЫЙ ПОВЗРОСЛЕЛ

ТАТА-КИТ

16+

Тата Кит

Малый повзрослел

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67798499

SelfPub; 2022

Аннотация

«В каждой женщине должна быть изюминка, но не вместо мозга, Шишкина!» – сказал он мне однажды в коридоре университета, тем самым возобновив давно забытую между нами вражду. Сейчас он – самодовольный индюк с павлиньим хвостом и идеальным прессом. Его карманы полны осколков девичьих сердец. Но я-то отлично помню то далекое лето, когда он был толстым пуфиком и убегал от гусей моей бабули, которых я на него и натравила. Хочешь новой войны, Соколовский? Что ж, у меня её есть...

Содержание

Глава 1. Стас	4
Глава 2. Маша	8
Глава 3	16
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	51
Глава 9	58
Глава 10	67
Глава 11	74
Глава 12	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Тата Кит

Малый повзрослел

Глава 1. Стас

– Фу! Как тёлка на машину насосал.

– Блин, Митяй! Держи канистру ближе и не загораживай свет.

– Виноват, исправился.

– Говорил же тебе, заправляй полный бак. Загород едем, а не на соседнюю улицу. Теперь вот сливай тут с тобой бенз из левых тачек.

Оттолкнул друга в сторону от света фонаря и направил шланг в канистру, чтобы слить немного бензина с малолитражки, которая, очевидно, принадлежала девушке или женщине. Уже хорошо, значит, карточью наши задницы никто не напигует. Максимум, что нас ждет – это истерический крик, если хозяйка тачки решит проснуться в час ночи и проверить, как там ее машинка на парковке поживает.

– Стасян, мой монстр не был готов к тому, что нам придется отвозить девчонок обратно в город, – прошипел мне Митяй, поправляя козырек старой кепки.

– А мой рот не был готов к тому, что ему придется сегодня сосать бензин через грязный шланг, – сплюнул горькую

слюну и вытер рот рукавом бомбера. – Мог бы и догадаться, что первокурсницы с нами долго не засидятся. Нафига ты их, вообще, позвал?

– Типа, посвящение, – неопределенно пожал плечами Митяй, понимая, что отмазка тянет на три с минусом. – Чё пристал?! Соси молча.

– Я тебе сейчас...

– Эй! А ну отошли от моей машины! – внезапный женский крик заставил нас подпрыгнуть на месте и спешно закрыть канистру, набросить шланг на шею и податься врассыпную.

– Мы не со зла, – попытался я побыть дипломатом на бегу, перепрыгивая через небольшие препятствия в виде клумб и скамеек.

– Зато я тебе со всего зла сейчас шею сверну, – не отставала от меня женщина.

Бежать с почти полной канистрой было не так-то просто, еще и шланг на шее приходилось придерживать, чтобы не повиснуть на нем на одной из веток мелькающих мимо деревьев.

– Девушка, не бегите за мной, пожалуйста. А если я маньяк?

– Какая я тебе девушка?! – женский голос звучал уже не так близко и не так бодро. – Я тебе в матери гожусь, маньяк чертов!

– Матушка, не губи! – взмолился я, едва сдерживая смех. – Я не специально. Жизнь заставила.

– Ай, черт с тобой! – услышал я доносящиеся до меня отголоски женского голоса.

Остановился и оглянулся посмотреть, всё ли в порядке с женщиной, которая бежала за мной метров пятьсот.

Согнувшись пополам под светом фонаря, она пыталась отдышаться и держалась за бок, как обычно бывает у неподготовленного человека после бега.

– Вас проводить? – выдал я внезапно, серьёзно обеспокоившись её состоянием.

– Да вали уже отсюда, джентльмен нашелся, – махнула она рукой и, держась за бок, пошла в ту сторону, откуда мы с ней начали «веселые старты».

– Вашему зятю с вами повезло, – возник из-ниоткуда Митяй.

– Его еще нет, – не оглядываясь, ответила женщина. – Но если он будет бегать так же быстро как твой друг, то, в загс я его фиг загоню.

– Святая женщина, – прокричал ей воодушевленно Митяй.

– А ты куда убежал, придурок? – толкнул его в плечо.

– Никуда. Я просто за дерево спрятался и всё, – сдерживая смех, ответил друг. – Она же только за тобой побежала. Зачем я буду зря булки напрягать?

– Вот ты... хитроделанный, – ударил его кулаком в плечо. Протянул канистру и шланг ему в руки. – Теперь напрягись. Дойди до своей тачки, слей в нее бенз и забери меня отсюда.

– Еще и я после этого хитроделанный. Друг, называется, – закатил Митяй глаза и страдальчески пошел в сторону, где мы оставили его ниву.

– В темпе, – крикнул ему вслед и прислонился спиной к стволу старого тополя. Согнул одну ногу в колене и оперся ступней о дерево. Спрятал руки в карманы бомбера и устало выдохнул.

Завтра первый учебный день в универе. Четвертый курс – последний. Значит, меня ждет последний год веселья, перед тем как птенчика выкинут из гнезда в большую взрослую жизнь.

Что ж, нужно взять от этого года максимум того, что он может мне предложить. Хотя, сомневаюсь, что он может мне предложить, что-то интереснее того, что я уже пережил за предыдущие три года.

Но, чем черт не шутит, вдруг меня ждет что-то действительно годное...

Глава 2. Маша

– Этот мир жесток и безжалостен. В нем нет места простому человеческому счастью. Нет искренности и веры в добро. Нам просто нужно научиться выживать в этом мраке, свято веря в то, что луч утреннего солнца, светящий каждый день нам в окно, – это луч надежды и светлого будущего.

– Что ты там бубнишь? – проворчала Юля, моя соседка по комнате в общежитии.

– Доброе утро, говорю, – повернулась я к ней, натянув одеяло до подбородка. – Это когда-нибудь закончится?

– Что именно? – не поняла девушка, нанося макияж на смазливое личико.

– Ну, вот это вот всё: подъем, чуть свет не срамши на учебу, потом не жрамши на подработку. Это когда-нибудь закончится, не?

– Маш, – рассмеялась Юлька. – Сегодня только первый учебный день в универе. Наш первый курс. Мы обречены, минимум, на четыре года. Так что не ной, вставай и чеши в душ, пока его не заняли.

– Я уже чувствую всю тяжесть гранита науки и его острые крошки на своих зубах, – выдохнула я, скидывая с себя одеяло.

– Мы с тобой знакомы всего неделю, – произнесла Юля, подкрашивая ресницы, при этом забавно приоткрыв рот и

высунув язык. — И я до сих пор не могу определиться с твоим возрастом. По паспорту тебе восемнадцать, а по факту сто восемнадцать. Даже мой дед столько не ворчит, сколько ты.

— Отстань! Я белая и пушистая, — бросила ей и вдела ноги в тапочки. Прошаркала в них до выхода из комнаты, чтобы добраться до туалета, потом вернуться в комнату и спуститься в душ.

— Пушистая она, как же, — пробубнила Юля, словно меня здесь уже не было. — Твоим пухом можно асфальт с дорог счищать.

— Я тебя запомнила, — указала на нее пальцем, а затем двумя пальцами на свои глаза.

— Тоже полезно, — усмехнулась подруга и размотала на голове тюрбан из полотенца, распустив черные волосы, что доставали ей почти до поясницы.

Мысленно порадовавшись тому, что у меня каре, которому в качестве ухода достаточно раз в день пройти пальцами по скромной длине, вышла из комнаты в бесконечно длинный коридор общежития. Несколько таких же бедолаг как я, лениво шли кто-куда. Кто-то, судя по полотенцу, направлялся в душ, а кто-то, судя по зубной пасте, в умывальню.

Общежитие: общий душ, общий туалет, общая кухня и общий пофигистический настрой на всех.

Добралась до конца коридора, где находился женский туалет. Едва открыла дверь, как из одной из кабинок вышел па-

рень в одних шортах, взъерошивая светлые волосы.

Взглянула на значок, висящий на двери, чтобы убедиться в том, что я, все-таки, пришла по адресу.

– Это женский туалет, вообще-то, – просветила я парня, который, к моей досаде, не впечатлился этим открытием.

– И чё? – спросил он лаконично и высококультурно.

– А то, что мужской туалет находится в другом конце коридора.

– Я бы не донес, – развел он руки, словно в сотый раз пытался объяснить мне очевидные вещи.

– А то там много нести, – бросила многозначительный взгляд на его шорты, чем очень даже позабавила этого парня.

– Хочешь проверить? – улыбнулся он плутовски, запустив большой палец за резинку шортов.

– Подожди, я только воробья с ножничками принесу.

– Для чего? – нахмурился он.

– Чтобы он сделал тебе чик-чирик.

– Первый курс? – спросил он, поровнявшись со мной, от чего пришлось задрать голову, чтобы лучше видеть его сонную морду.

– А ты, я смотрю, последний? – изогнула бровь, не смущаясь его близости.

– Смекаешь, – подмигнул мне парень и оперся ладонью о стену позади меня. – Встретимся как-нибудь?

– Надеюсь, нет. Разве что в этом туалете, когда вновь захочешь писать сидя, – было очень сложно сдерживать сар-

казм, что рвался из меня изо всех возможных сил. Шепотом добавила. – Но ты не бойся, твоя маленькая тайна останется между нами.

– Ты чё такая злая? – вскинул он брови.

– А ты много видел добрых людей в семь утра?

– А то вечером ты само очарование?

– Рискнешь проверить?

– Я бессмертный, что ли?

– Что ж, было интересно пообщаться вопросами, – подытожила я. – А теперь, может, исчезнешь уже?

– Свидимся, детка, – подмигнул он мне снова.

– Свали, дядька, – закатила я глаза и проводила взглядом его рельефную спину и широченные плечи.

Мда... меня ждут самые «веселые» четыре года студенческой жизни.

Самым шокирующим открытием, когда я заселилась в эту общагу, был для меня тот факт, что комнаты мальчиков и девочек на всех этажах перемешаны. Я была уверена, что раздел будет, как минимум, по этажам, чтобы на одном этаже жили только девочки, а на другом мальчики, но на деле оказалось, что в одной комнате живут девочки, а в соседней могут оказаться парни, как и было со мной и Юлькой. Радовало только то, что мальчиков с девочками не смешивали внутри одной комнаты, иначе моей ноги здесь даже не ступило.

Еще одно обстоятельство, от которого я едва смогла удержать глаза в их орбитах, было таким, что душевые кабинки

находились в подвальном помещении общежития. А это значило, что все пять этажей студенческого муравейника делили на всех шестнадцать душевых кабинок. И помыться могли только сильнейшие – те, кто сможет выстоять огромную очередь и не психануть, ударившись с разбега об угол, чтобы грязь отлетела хотя бы так.

Первый квест под названием «туалет» был пройден почти без эксцессов. Осталось спуститься в душ, отстоять очередь и, если повезет, то даже помыться.

Вернулась в комнату за полотенцами и косметичкой с гигиеническими принадлежностями.

– Ну что? – спросила Юлька, уже застегивая на себе платье и разогревая что-то в микроволновке. – Как первое испытание? Успешно?

– Почти, – выдохнула я. – Если не брать во внимание белобрысого нахального парня, который не носит футболки и ходит в женский туалет, то все идеально.

– Белобрысый и нахальный? – встрепелась подруга. – А татуировка у него на ключице в виде дракона была?

– Я не разглядывала его. Какая-то клякса, вроде, была.

– Класс! Йес! – запрыгала на месте Юлька.

– Ты чего? – не поняла я, выглядывая из-за дверцы шкафа.

– Это же Димка!

– Жедимка? Что за жедимка? – состроила я задумчивую рожицу.

– Димка, – закатила она глаза. – Ну, тот парень, который

вчера меня до общаги довез, на желтой ниве. Теперь понятно, почему он не взял мой номер и сказал, что точно меня найдет. Блин! Круто!

– К нам его не водить, – пригрозила ей пальцем как строгая мамочка. – Или водить, но пока меня нет. И дезинфицируй потом комнату после него. И моей постели, чтобы его зад не касался ни при каких обстоятельствах.

– Посмотрим, – ответила Юлька и мечтательно подняла взгляд в потолок.

– Куда я попала, жеваный крот? – уткнулась лбом в дверцу шкафа, сокрушаясь о своей тяжелой судьбе на оставшиеся четыре года.

– Твой телефон жужжит, – указала Юлька головой в сторону моей тумбочки, на которой вибрировал мобильник.

– Да, мам? – взяла я трубку и присела на край кровати, сложив на колени полотенце. – Ты уже доехала домой?

– Ой, Маш, какой там?! – вздохнула она. – Я осталась переночевать у Любки, своей старой знакомой...

– Я не старая, – послышался голос, вероятно, той самой Любки.

– Себя-то не обманывай и песок со стула после себя стряхни, – саркастично ответила ей мама, а затем уже для меня продолжила. – Так вот, я осталась у Любки переночевать и ночью шпана слила у меня бензин из бака.

– Весь? – округлила я глаза. – А машина-то целая?

– Да, целая она. Что с этим нанотанком будет? Весь бензин

они слить, все равно, не успели, я их прогнала.

– Ты ночью гоняла шпану на окраине города? – взметнула я вверх брови, начиная серьёзно переживать за маму. – А если бы они тебе что-нибудь сделали?

– Немного побегала за ними. За одним, вернее, – уточнила она. – Такой симпатяга, я тебе скажу, – мечтательно произнесла мама.

– Я не поняла. Ты пыталась его догнать, чтобы наказать или чтобы склеить? Я всё папе расскажу.

– Не смей мои морщины, – рассмеялась мама. – Он примерно твой ровесник, так что, если бы я его поймала, то сегодня утром привезла его тебе в общагу. А то ты у меня в девках до последнего седого волоса просидишь.

– Мама, не начинай, а, – закатила я глаза и откинулась на подушки, накрыв лоб ладонью. – Ты сама всю жизнь меня учила, что нужно заниматься образованием, а не мальчиками. Вот я и занимаюсь тем, чему учили.

– Скучная ты у меня, что просто жуть, – ответила она насмешливо. – Ладно, поеду я домой, а то там папа уже всю колбасу из холодильника съел и скучать начал. Тебе, может, что-нибудь привести, пока я в городе?

– Камаз нервов, – произнесла я твердо. – Жить в общежитии не так-то просто, оказывается.

– Да, брось. Это тебе сейчас все кажется сложным и страшным, а потом будешь вспоминать общежитные будни, как одни из самых лучших дней в своей жизни. Как я. Толь-

ко предохраняйся там, а то будешь как я.

– Мааам, – закрыла я глаза и снова ударила себя по лбу.

– Шучу, – рассмеялась она. – Хотя, нет – не шучу. Ну, ты поняла, в общем. Ладно, мне пора выезжать, а то Любаня на работу опоздает. И раз тебе ничего не надо, то я сразу домой. Мне еще четыреста километров телепать до дома. Пока, Машунь.

– Пока, мам, – ответила я и убрала телефон в сторону, собираясь с силами для новых свершений.

– Зря ты вчера со мной не поехала, – напомнила о себе Юлька, укладывая волосы волнами. – Я бы с тобой осталась на подольше в той компании. Там, говорят, какой-то Сокол должен был приехать, типа, звезда всего универа.

– Да ты что? – присела я на кровати и состроила любопытную рожицу, на самом деле не имея никакого интереса к какому-то там Соколу.

– Ага, – продолжила она, решив, что мне и в самом деле интересно. – Девчонки говорят, что он красавчик, но весь такой недоступный. Прикольный, но закрытый.

– Вот и не будем взламывать этого парнишу, – подытожила я и поднялась с постели. – Ладно, за унитаз я поборолась, теперь пойду убивать за душевую кабинку.

Глава 3

– Ты видишь что-нибудь? – спросила у меня Юлька, пытаясь поближе пробраться к расписанию.

Многозначительно выпучила глаза, без слов демонстрируя, что со своим ростом единственное, что я перед собой вижу, это спину впереди стоящего парня, который, судя по скорости чтения, только вчера познакомился с букварем.

– Блин! – выругалась подруга, пытаясь приглядеться к номерам аудиторий. – Вообще ничего не видно!

– Позвольте вам помочь, мадмуазель, – донесся до нас мужской голос.

Почти синхронно с Юлькой повернули головы и увидели того парня, с которым еще часа полтора назад я столкнулась в женском туалете.

– Ой, Дима! Привет, – встрепенулась подруга, начиная вертеть головой и перекидывать волосы с плеча на плечо.

Всё, мельница флирта заработала. Жернова беспощадно втянули этого парня, значит, мне тут делать нечего.

Предприняла еще одну попытку, чтобы сдвинуть впереди стоящего чтеца, стараясь при этом оставаться редкостной ледью.

Безуспешно. Я для него, что тот комар в поле, в котором я беззаботно летаю, а он гадит, где-то на окраине – он вообще не в курсе, что я есть.

Еще немного и я начну топтать ногами, чтобы привлечь внимание этого жирафа.

– Тоха, – раздался за спиной насмешливый мужской голос. – Отойди немного в сторону, из-за тебя тут мелкая пипетка ничего не видит.

– О, Стасян, здорова! – обрадовался этот самый Тоха, освободив мне место в первом ряду перед расписанием.

Кто?! Пипетка?! Я пипетка?!

Меня так лет шесть или семь не называли. И, вообще, так называл только один пацан, когда мне было около одиннадцати, и я гостила у бабушки в деревне, где он тоже гостил у своей.

Желание повернуться на голос этого хама и вклеить ему по морде рюкзаком было равно Эвересту. Но вместо того, чтобы начинать первый учебный день и год с драки, я привлекла к себе Юльку и прошептала:

– Стасян – это такой кудрявый жирный пухлик за моей спиной, да? У него еще ямочка на левой щеке.

– Ну-у, – протянула подруга, заправляя прядь волос за ухо и задумчиво глядя на парня за моей спиной. – Судя по тому, что я вижу, Стасян – это здоровенный сексуальный шкаф. И да, шкаф кудрявый и с ямочкой.

– Ты что-то путаешь, – произнесла я раздраженно и сама повернулась, чтобы посмотреть на возмутителя своего внутреннего порядка.

Взгляд уткнулся сначала в широкую грудь, спрятанную

под тканью черной футболки, поверх которой был надет спортивный бомбер кислотного зеленого цвета, словно он ученик американского колледжа, а не российского университета, пусть даже престижного.

Медленно поднимала голову до тех пор, пока не встрети-лась взглядом с карими глазами, в которых интерес в одну короткую секунду сменился узнаванием.

Еще бы! Сложно забыть девчонку, которая когда-то гоня-ла его по деревне бабулиными гусями. Так быстро, как кот тех гусей, он, наверное, еще никогда не бегал.

Или вспомнить его шалость, когда он принес мне полу-литровую банку с жижей, сказав, что это березовый сок, а в итоге оказалось, что это коровьи слюни. Хорошо, что я тогда не решилась попробовать его гостинец, а то до сих пор бы блевала под той березой.

– Шишкина? – выдохнул он, сузив глаза.

– Соколовский? – повторила его тон и мимику.

– Пипетка? – спросил он, словно желая подтвердить еще раз, что я не игра его больного воображения.

– Придурок? – уточнила и я, чувствуя, что мы становимся центром всеобщего внимания.

– Ну, знаешь?! – взметнулись его темные брови, прячась под черной банданой с белым орнаментом. – Я просто вспом-нил твоё прозвище с детства, а не оскорблял.

– Я тоже просто вспомнила твое прозвище, – склонила голову набок, с любопытством разглядывая парня.

Где тот низкорослый крепыш, которого я знала лет шесть назад? Ему тогда было около четырнадцати и он был немного ниже меня, одиннадцатилетки, что давало мне полное право называть его коротышкой. Придурком я его называла после каждого идиотского розыгрыша, которыми он почти ежедневно меня «баловал».

Сейчас передо мной стоял высокий, подтянутый и красиво сложенный парень, который, судя по всему, увлекался спортом и служил главным увлечением всех девчонок универа, которые сейчас хихикали в сторонке, томно нашептывая его имя.

Знакомые темные глаза цвета кофе с вечными смешинками в них, смотрели так, словно он прямо сейчас придумывает новую пакость или уже напакостил и ждет, когда я это замечу. Черные волосы, растущие буйным сопротивлением любой укладке и расческе, так и остались лохматыми с того самого лета, когда я в редкие минуты нашего перемирия вплетала в них цветы. Ну, как вплетала? Просто втыкала помимо его воли сорванный цветок в его густую шевелюру, пока он рыбачил или о чем-то увлеченно мне рассказывал, делая вид, что не замечает маленькой шалости.

– Ты так и не выросла с того лета, – произнес он, оглядев меня с ног до головы.

– Зато тебя, я смотрю, с того лета конями растягивали.

Парень рассмеялся, запрокинув голову. Рассмеялись и еще несколько, рядом стоящих с ним, парней. Видимо, при-

хвостни жожака.

– Шишкина, – покачал Стас головой. – Ты слышала, что в каждой девушке должна быть изюминка?

– И? Во мне слишком много изюма? Не разжуешь? – предположила я.

– Нет, – ответил он насмешливо. – Просто в твоём случае изюм находится там, где должен быть мозг.

– Ну, Соколовский, по крайней мере, в моей голове хоть что-то есть, в отличии от твоей, – пожала я плечами, иронично улыбаясь. – Тебе там не сильно дует наверху? Ветер не громко свистит в пустоте черепной коробки?

В стороне послышались смешки, которые явно не понравились популярному в этом универе Стасику.

Не желая уронить свое реноме, парень подошел ко мне вплотную, почти наступая на носки черных туфель своими кроссовками. Если бы не высокий каблук, то я бы сломала себе шею, желая выдержать его решительный взгляд.

– Хочешь войну, Шишкина? – спросил он, немного наклонив голову, словно желая меня поцеловать.

В этот момент моё сердце выпало из подола платья и едва успело зацепиться за каблук, чтобы не упасть на пол у его ног.

Не желая показать, что мне хоть немного стало не по себе от его близости и столь дерзкого натиска, тоже приблизила своё лицо к его. Настолько близко, что между нашими губами остался буквально сантиметр.

– А разве наша война когда-то заканчивалась? – спросила полупшепотом, с удовлетворением заметив, как он тяжело сглотнул. – Или ты, всё-таки, решил признать свое поражение за то лето?

– Не дожدهшься, – ответил он мне в тон, еще немного при-
близившись ко мне губами.

– Целуйтесь уже! – крикнул Юлькин блондин Жедимка и, видимо, лучший друг Соколовского.

– Не в этой жизни, – усмехнулась я, оценивающе глядя на Стаса.

Где-то в толпе слышались возмущенные девичьи вздо-
хи, говорящие о том, что уж они-то не упустили такой мо-
мент и вылизали бы этому кудрявому индюку все десны до
самого кадыка.

– Это мы еще посмотрим, Шишкина, – произнес он мно-
гообещающе.

– Сомневаюсь, что ты способен видеть дальше собствен-
ного носа, Стасик.

Сказав это, щелкнула указательным пальцем по кончику
его носа и развернулась на каблуках, чтобы покинуть круг
любопытствующих завывателей, которые уже начали делать
ставки на победу Соколовского.

Наивные...

– Ну, ты, блин, даешь! – шипела Юлька, пока мы блужда-
ли по коридорам университета в поисках нужной нам ауди-
тории.

Надо было захватить с собой хлебных крошек. Потому что с каждым новым поворотом по бесконечным коридорам мне казалось, что обратной дороги мы не найдем. И, в итоге, не найдя ни аудитории, ни выхода, так и останемся навечно блуждать по универу.

Неприкаянные души первачей. Уверена, тут такие бродят со дня основания этого заведения.

– Чего я, блин, даю? – бросила подруге через плечо, наконец, поняв, что мы идем верным путем.

– Ты в первый же учебный день вякнула на самого крутого парня универа, – размахивала она руками, широко раскрыв глаза. – Ты понимаешь, вообще, что тебя ждет?

– А что меня ждет? – пожала безразлично плечами и открыла дверь аудитории, которую мы так долго искали. – Четыре года учебы и жизнь в общежитии, проперженной клопами? К этому я была готова еще в последний год учебы в школе.

– Нет, Маш, – не унималась Юлька, закипая подобно чайнику. – Тебя ждет год войны с самым популярным парнем. А, если он популярный, то, значит, тебе придется воевать и с девчонками, по нему сохнущим.

– То-то я вижу, как под окнами блестят наточенные пики и зажигаются факелы, – иронично произнесла и приставила ладонь ко лбу козырьком, глядя в окно. – Так и вижу, как сохнувшие девчонки жгут свои трусы во спасение кудрявого индюка.

– Ты ненормальная, – покачала подруга головой, наконец,

сев рядом со мной.

— Я думала, ты это поняла еще в первый день, когда я чай водой из крана разбавляла.

— Не напоминай об этом страшном дне. До сих пор мурашки по коже, — вздрогнула девушка, словно скидывая с себя весь ужас первого утра нашего знакомства. — Кстати, а откуда вы знакомы с этим, как его... Соколовским?

— Семь лет назад в одной деревне летние каникулы проводили. Ничего такого.

— Афигеть! Вот это наш земной шарик круглый, конечно, — выпучила подруга глаза, качая головой.

— Оказывается, да, — усмехнулась я, наблюдая за тем, как помещение заполняли новые люди.

Очень необычно было сидеть в аудитории, которая была подобна амфитеатру. Мы с Юлькой гордо заняли места примерно по центру, чтобы не казаться пугливыми или лентяйками, если сядем на галерке, или зубрилками, если сядем в первом ряду.

Аудитория медленно заполнялась студентами, которых с этого дня можно официально называть одгруппниками. Робкие девчонки и нарочито уверенные парни равномерно распределялись по партам, бросая друг на друга любопытные взгляды. Всем нам только предстоит познакомиться друг с другом и понадеяться на то, что среди нас найдут действительно интересные личности.

Нам с Юлькой повезло больше: мы не только учимся в од-

ной группе, но и живем в одной комнате в общежитии, и, хотя бы, знаем друг друга, чтобы чувствовать себя немного уверенней в новой обстановке.

– Геологи? – показалась рыжая голова парня в дверном проеме. – Первачи.

– А ты сам, кто будешь? – спросила Юля, так как все остальные предпочли отмалчиваться.

– Я буду твоим первым и единственным.

– Кошмаром? – предположила подруга, отчего по аудитории прошелся тихий смешок.

– Парнем, бэйба, – подмигнул он ей и, наконец, соизволил полностью войти в аудиторию.

– Парнем? – вскинула Юлька тонкие брови. – Нормальных разобрали, один ты остался?

– Я смотрю, мы подружмся, – уселся он рядом с нами, ближе ко мне и протянул руку для пожатия. – Тимоха.

– Машоха, – ответила и пожала его руку. – Ой, не! Забудь! Звучит как мошонка, – в аудитории вновь послышались смешки, но уже более уверенные. Процесс «принюхивания» друг к другу запущен. – Маша я.

– А если я буду называть тебя Машенка от слова «Маша», а не от того самого? Можно? – спросил Тимоха, едва сдерживая смех.

– Даже не думай! – пригрозила ему пальцем. – Иначе я тебе по башке тресну так, что все веснушки отвалятся.

– Я смотрю, с тобой шутки лучше не шутить, – произнес

парень, немного отклоняясь назад, словно я исполню свою угрозу прямо сейчас.

– Шути, – пожалала я безразлично плечом. – Последнее желание перед казнью – закон.

– А про меня не забыли? – возмутилась подруга, тыча меня ногтем под ребра. – Здесь и я еще есть, вообще-то.

– Принцесса, как можно о тебе забыть? – развернул свою душу, аки гармонь, Тимоха. – Может, представишься?

– Юлёха, – с гонором произнесла подруга и смачно, по-братски так, пожалала ему руку, отчего мне пришлось немного отклониться, чтобы их рукопожатие не прилетело мне в нос.

– Где живете? В общежитии или на хате? – начал допрос Тимоха.

– Вторая общежития. Тут рядом.

– Ого! – засветилось его лицо. – Я тоже. Какой этаж?

– Четвертый, – ответила Юлька с опаской.

– Реально? Я тоже! Круто!

– Ты, типа, теперь с нами на всю студенческую жизнь? – спросила Юлька, поморщившись. – За что нам это?

Незаметно толкнула ее плечом и, пока парень не понял всю суть её иронии, спросила у него:

– А почему мы тебя раньше не видели? В общежитии, в смысле. Мы несколько дней там живем, но ты нам еще не встречался.

– Да я только сегодня заселился. Пока доехал из своей дыры, пока с вокзала сумки допер. Задержался, в общем. Экс-

курсии мне устройте по общеаге, раз вы уже с ней знакомы?

– О-о! – сыронизировала я. – Тебя ждет незабываемое путешествие. Душ, туалет, ночные гонки на компьютерных креслах по коридорам общеаги.

– Гонки? – нахмурил он рыжие брови.

– Ага, – кивнула я знающе. – На сегодня, кстати, я слышала, намечен большой заезд в честь первого учебного дня. Старшими курсами для первачей.

Глава 4

Знаете, что значительно отличает первокурсников от остальных более опытных студентов? Глаза. По нам очень легко можно определить, что мы еще совсем юные, желторотые птенцы, которых только вчера выкинуло из родительского гнезда.

И вот, ходим мы с огромными глазищами, смотрим по сторонам, боясь пропустить, что-то важное, что-то такое, что нам пригодится и поможет не потеряться в мире «за гнездом». Страшно пропустить какой-то резкий апгрейд, а потом не понимать суть происходящего.

Боже! Как же сложно и страшно было первому взрослому человеку на этой планете. И скучно, и грустно, и некому руку подать...

Сейчас же всё кажется хоть и ужасающим, но приятно волнующим. Своего рода азарт присутствуют в головах, когда ты понимаешь, что теперь абсолютно все: каждое действие, каждая неудача, каждое достижение, – это всё, целиком и полностью, твоя ответственность.

В юбочку к маме уже не поплачешься. Да и лечь на пол в качестве бунта о том, что ты чего-то там не хочешь, – не получится. Нет, конечно, ты можешь лечь на пол, подрывать ножками, залить свои ушные раковины солеными слезами, но потом тебе, все равно, придется встать и сделать то, что

нужно сделать. Самостоятельно. Без помощи кого-либо, потому что тебя окружают такие же желторотики, которые хоть и строят из себя взрослых людишек, но на самом деле они сами всего несколько минут назад осушили свои ушные раковины от пролитых слез.

Универ – это совсем иной ритм обучения. Здесь нет уроков, длящихся по сорок минут, и нет перемен, во время которых можно вольготно шагать по коридору. Здесь есть пары длиной в полтора часа и маленькие перерывы, во время которых нужно успеть добежать от одной аудитории к следующей или вовсе в другой корпус, что тоже является тем еще квестом. Особенно, когда только-только привык к расположению аудиторий в «своем» корпусе, а теперь, оказывается, нужно делать то же самое в другом корпусе.

Я уж промолчу о том, что недели могут быть верхними и нижними. К этому меня жизнь, совершенно точно, не готовила.

Мама, роди меня обратно!

В общем, кто не был студентом, тому не понять, как хочется кушать, любиться и спать.

Любится мне не горит, желания спать тоже нет, так как сегодня только первый учебный день, и я успела вдоволь выспаться перед ним. Как выяснилось, это была моя последняя ночь богатая сном. А вот покушать я бы не отказалась.

От прошаренного Тимохи мы узнали местоположение студенческой столовой, а также тот факт, что есть в ней луч-

ше всего во время «окна» в парах, так как перед тем, чтобы отведать пюрешечку с котлеточкой, нужно выстоять огромную очередь из таких же голодных студентов и понадеяться на то, что котлетка тебе, всё же, достанется.

Нашей троице повезло. Помимо пюре и котлеток нам достался еще и кофе.

Побродив между столами в поисках свободного, устроились за тем, за которым сидели наши одноклассники, чьи лица мы запомнили за две предыдущие пары.

– Будем знакомиться, что ли? – запустил свой генератор речей Тимоха, пожимая руки двум парням, затем представил нас поочередно. – Тимоха, Юлёха и Машё... Маша, – вовремя опомнился он, заметив, как я мысленно закопала его в пюре.

– Гриша, – отозвался один из парней, поправив очки на переносице.

– Даня, – представился блондин, привстав для рукопожатия со всеми нами.

– Ну, – начала я, заняв один из стульев между Тимохой и Юлькой. – Как первый учебный день? Билеты домой уже купили?

– Честно говоря, – начал Даня. – Я мысленно их купил еще, когда увидел расписание.

– Да! – закивал активно Гриша, почти теряя очки. – В один из дней пять пар. Пять, Карл! По полтора часа!

– Предлагаю пожрать, сказать декану, что мы тут всё по-

смотрели, если что, то вернемся позже, а сами свалим и не вернемся, – рассмеялся Тимоха, а вслед за ним и все собравшиеся за столом.

– Кстати, – вклинилась Юлька. – Вы заметили, что при параде только первачи?

Синхронно с парнями оглядели столовую на предмет оценки внешнего вида собравшихся. И правда. При параде, в платьях, белый верх и черный низ, были только редкие первокурсники. Остальные же студенты были в джинсах, местами рваных, толстовках футболках или не столь официальных платьях как мы с Юлей.

– Палево на каждом шагу, – подытожила я. – Сегодня нам с толпой слиться не получится.

– Это еще чего! – рассмеялся Гриша. – Мы с вами приготовили весь арсенал ручек и тетрадей для конспектов и, помимо одёжки выделяемся еще и огромными рюкзаками, как у первоклашек. А между тем, один старшекур, вообще, с собой взял на пары только ручку и носит ее за ухом.

– А что, так можно было? – выпучила Юлька глаза заставив всех нас рассмеяться.

Где-то в стороне слышались мужские дружные улюлюкания и имя моего нового-старого врага.

– Стасян, иди к нам, – вопили парни, призывая к себе вожака в кислотно-зеленом бомбере.

Повернула в сторону их живого интереса и увидела, как мимо нас проходил Соколовский с самодовольной ухмыл-

кой.

Эх, с каким бы я удовольствием размазала по нему картофельное пюре... Ммм...

Устроившись на свободный металлический стул, который для него приготовили парни, Стас вальяжно развалился, скинув рюкзак с плеча на пол рядом с собой.

За их столиком тут же начались какие-то бурные обсуждения и один из парней указал в нашу сторону, а именно на меня.

Какого...?

Отвернувшись, чтобы не видеть ухмыляющуюся рожу Соколовского, и через несколько секунд услышала стадное ржание, доносящееся с их стороны. Жеребцы разве что копытом не били о стол, а нет, били, судя по звукам.

Взгляд невольно вернулся к ним и мне «посчастливилось» увидеть, как собравшиеся кони хлопали по плечам Соколовского, в то время как он смотрел прямо на меня, отпивая из пластиковой бутылки питьевой йогурт. Поймав мой взгляд, парень едва заметно подмигнул мне.

Изобразив безразличие, взяла стаканчик с кофе. Отпивая его содержимое, оттопырила средний палец специально для Стасика, который в ответ лишь усмехнулся и вытер губы тыльной стороной ладони.

Это только первый день учебы, а я уже ввязалась в нечто безрассудное и, точно знаю, обоюдно выносящее мозг.

Глава 5

– Ты могла бы готовить не так ароматно? – спросила Юлька, едва вошла в комнату после душа.

Оторвалась от нарезки зелени и возвела глаза к потолку, тяжело вздохнув.

– Опять паломники в коридоре собрались? – спросила я и сморщила носик, наивно надеясь на то, что ошибаюсь в своих догадках.

– Конечно, – выдохнула мне в такт Юлька и сменила полотенце на пижаму. – Ложки уже наготове. Стоят, ждут, когда мамочка кушать позовет.

– Как они мне дороги, господи. Я думала нашу еду будут таскать тараканы, а не голодные собраты по общежитию.

– Надо, наверное, какой-нибудь график придумать на этаж, чтобы этих голодающих кочевников кормить по очереди, – предложила подруга и подошла к казану, чтобы вдохнуть ароматы овощей и трав. – Вкуснотища! И как ты научилась так вкусно готовить? Ведьма!

– Просто нравится готовить и всё, а если будешь называть меня ведьмой, то я сварю твою плёнку, – пригрозила ей пальцем и отодвинула девушку в сторону, пока она не накидала волос в жаркое.

– И как я только с тобой живу? – задала Юлька вопрос, не требующий ответа.

– Сытно, – ответила ей гордо и выглянула из комнаты в коридор, где стояли трое ребят с ложками наготове. – Значит так! Кроме ложек несите свой хлеб, майонез, кетчуп и кружки захватите, потому что на всех не хватает.

– Эт мы мигом! – обрадовались парни и бросились врассыпную по своим комнатам.

Через две минуты в дверь послышался уверенный стук и три довольных морды, с полными руками гостинцев, вошли в нашу с Юлькой комнату.

– Вот! – торжественно произнес Пашка, указывая руками на обилие продуктов, которые они успели выставить на стол.

– Зачем так много? – рассмеялись мы с Юлькой. – Я же говорила только про хлеб, майонез и кружки. Остальное всё у нас есть.

– Ну, мы у вас почти неделю ужинаем, – почесал затылок Андрей и смущено отвел взгляд. – Надо же как-то возместить.

– Тогда в следующий раз спросите у Маши, какие ей нужны продукты, чтобы приготовить ужин. Скиньтесь и купите их. И тогда ничего возмещать не придется.

– Точно! – осенило Пашку. – Чё раньше-то не сказали? Мы только за.

– Какое благородство, – саркастично произнесла Юлька и закатила глаза.

– Такова ваша участь, девчонки, – начал философски Ванька, который считался из этой троицы самым рассуди-

тельным. – До конца учебы вам придется подкармливать холостых парней их общаги, а они вам за это могут сослужить хорошую службу.

– Я подчеркну, – вклинился Пашка. – Холостых парней. Мы холостые, если что.

– Оно и видно, – оглядела их Юлька оценивающим взглядом, сморщив тонкий носик.

В дружеской перепалке, парни отодвинули обеденный стол от стены, расставили вокруг него стулья и принесли из своих комнат недостающие.

Мы с Юлей по-быстрому сообразили на стол, сделав немного нарезок и салат из огурцов и помидоров, за жижку от которого в конце ужина будет битва.

– Маш? – обратился ко мне Ваня, когда я разливала горячий чай по кружкам. – Говорят, ты объявила войну самому Соколовскому.

Ребята учились на втором и третьем курсах, поэтому знаменитые личности универа им были знакомы больше, чем нам – первачам.

– И что? – усмехнулась я. – Кто-то видел, как он шьёт белый флаг из трусов поклонниц?

Паша поперхнулся конфетой. Пытаясь одновременно кашлять и смеяться, чуть не упал со стула.

– Ну, ты, блин, бессмертная, – произнес он сквозь слёзы.

– Просто, я знаю его маленький секрет, – сказала я максимально загадочным тоном. Показала крохотное расстояние

между указательным и большим пальцем и еще таинственное добавила. – У него вот такусенький, маленький, абсолютно крохотный... мозг.

Все присутствующие в комнате рассмеялись в голос.

– Ничё-ничё, – пригрозил Пашка пальцем. – Он на посвящении еще на тебе отыграется.

– К тому времени он уже либо забудет о нашей войне, либо проиграет ее, – заметила я уверенно. – Когда, кстати, посвящение?

– Через две недели, вроде, – нахмурился Ваня.

– Ага, – кивнул согласно Андрей и отставил опустевшую кружку. – Весело будет. Посмотрим, как вы классно смотрите в мокрых майках и с лицами в кетчупе.

– Всего-то, – фыркнула Юлька. – Это мой обычный выходной с двумя братьями. Вообще не удивили.

– Ну-у, – протянул Пашка, собрав пальцы в замок на затылке. – Тогда для таких искушенных, как вы, мы приготовим, что-нибудь новенькое.

– Ай-да, Юля! Ай-да, молодец! Не промолчала! На слабо парней взяла! Умничка! – сыронизировала я. – Вот тебе и первое испытание – мой посуду за всеми, а потом еще и отдувайся на посвящении за себя, за меня и за того парня.

– Э, не, Маша, – покачал головой Пашка. – Соколовский тебе не даст отсидеться в кустах.

– Пусть только попробует заглянуть в мои кусты. Этот ваш Соколовский.

Глава 6

– Ну, Ма-аша! – канючила Юлька, театрально изображая мольбу и безысходность.

– Я сказала, что не пойду! – стояла на своем.

– Ну, чё я одна, как дура попрусь туда?

– А-то вдвоем мы с тобой будем представлять кладезь интеллекта? – сыронизировала я и поправила лямку рюкзака, который висел на одном плече. – В спортзале, вроде, не обязательно казаться умной. Увидела, круглая штучка в тебя летит, значит, это мяч.

Сегодня третий день учебы в универе. Мы срослись с основной массой не только скучающим видом, но и одеждой. Не вуз, а фабрика денима – все поголовно в джинсах. Отличие лишь в цвете и степени изорванности. Мы с Юлькой решили с первых дней не наглеть, поэтому наши джинсы максимально целые. Правда, на мне скромные бойфренды, что болтаются ничуть не краше, чем на вешалке, а вот на Юльке джинсы сидят подобно второй коже, выгодно обтянув всё то, за что теперь цепляются взглядом проходящие мимо парни.

– Не будь такой скучно, – не отставала подруга, переходя на ультразвук, чтобы я каждой клеточкой съездившегося мозга прочувствовала всю силу ее просьбы. – Там будет классно.

– Классно? – обернулась я через плечо. – Смотреть на то,

как двенадцать потных старшекурсников носятся по спортзалу – классно? Извращенка.

– Просто... – замялась она, пытаюсь подобрать слова. – Просто там будет он, понимаешь?

– Кто он? – наконец, остановилась я и повернулась к подруге. – Твой Жедимка?

– Он еще не мой, но скоро очень даже может быть, – хитро и даже немного гаденько улыбнулась Юля.

– Десять минут, – выдохнула я обреченно и остановила взмахом пальца девушку, которая начала слегка подпрыгивать на месте и вот-вот начала бы визжать. – Но! Как только вы вступаете в какой-либо контакт. Глазной, губной... Без разницы. Я сваливаю в общагу.

– Уии! Ты лучшая!! – почти хлопала она в ладоши. – Пошли скорее!

– Да не беги ты так! – поймала вырвавшуюся вперед девушку за руку. – Не разберут твоего Жедимку.

– Я просто тороплюсь, пока ты не передумала, – с волнением произнесла Юлька, что только подтверждало тот факт, что ей действительно важно оказаться в этом спортзале и, желательно, в компании с моей тощей поддержкой.

– Шею свернешь раньше, чем я передумаю.

Под спортзал было отведено целое крыло университета. Своего рода, огромный стекляннно-деревянный пристрой с раздевалками, небольшой душевой и, конечно же, гигантским спортзалом, который вечерами оккупировали старше-

курсники во главе с занозой для моих глаз – Соколовским.

Уже на подходе было слышно, как скрипят подошвы кроссовок о паркет при активном беге и резких поворотах спортсменов, которые сейчас играли в баскетбол.

– Ты же говорила, что твой Жедимка в волейбол играет, – обратилась к Юльке, которая активно искал взглядом своего белобрысика.

– Да, в волейбол, – ответила она и в один момент её лицо осветила улыбочка кокеточки. Нашла. – У них баскетбол вместо разминки.

– Вот оно как.

Рядом с игровой зоной на первых местах сидела кучка девушек, что крутили головами вслед за пробегающими от кольца к кольцу парнями. Каждый раз, стоило кому-то упасть в кольцо, она подскакивали на своих местах, пищали и активно жестикулировали. Причем, им было неважно за какую команду болеть, им было важно, чтобы их визг заметил тот красавчик, который забил гол.

Мда, школьные привычки ветром перемен из голов не выдувает...

Не знаю, куда хотела сесть Юля. Возможно, занять место рядом с визжащими фанатками, но я уже устроилась примерно на центральном ряду трибун. С такой высоты вид ни игровую зону был просто отменным.

– Давай ближе сядем, – предложила подруга, за что получила мой мимолетный осуждающий взгляд. – Ладно, – сда-

лась она и забросила сумочку на соседнее пустующее сиденье.

Парни играли без сопровождения тренера или кого-либо из преподавательского состава. Что ж, видимо, у старшекурсников, и правда, больше привилегий, чем у нас – зеленых первачей.

– Смотри, – ткнула меня Юлька локтем под ребра. – Твой Соколовский тебя заметил. Уже раза четыре посмотрел.

– Он не мой, во-первых. А, во-вторых, может, он на тебя, вообще, смотрит? – ответила я, зная, что он меня заметил, так как наши взгляды разок пересеклись, что дало ему повод расплыться в самодовольной улыбке уверенного в себе альфа-самца.

– Нафиг ему кто-то, когда ты тут есть?!

– Ну, да. Зачем ржать над кем-то еще, когда есть я? – проследила взглядом за одним из парней, который очень умело обвел сразу двух игроков и пробрался к кольцу, забив мощный гол. – Как приятно чувствовать себя особенной.

– Да, посмотри ты на него! – зашипела подруга. – Он, возможно, сейчас специально для тебя гол будет забивать.

В качестве великого одолжения перевела взгляд туда, где к кольцу приближался Соколовский. Обойдя одного, другого и еще одного соперника, он замер с мячом в руках, бросил взгляд в мою сторону, подмигнул и, наконец, попал в кольцо.

– Пф, подумаешь, – закатила я глаза. – Обычный выпендрож.

– Не обычный, а для тебя.

– Ну да, ну да, – закивала и заметила, что игра в баскетбол уже закончилась и несколько парней начали вешать сетку для волейбола.

Эх, я бы тоже не отказалась поиграть в волейбол, но сомневаюсь, что смогу прямо сейчас набрать женскую команду. Что-то мне подсказывает, что те свиристелки снизу в волейбол играть не умеют. А парни совершенно точно не станут брать такую коротышку, как я, в команду.

– Ладно, – шлепнула себя по коленям и поднялась с кресла. – Десять минут уже прошли. Я могу сваливать. Дальше ты и сама справишься.

– Ну, посиди еще немного, – снова взмолилась Юлька и отобрала у меня рюкзак, к которому я тянулась.

– Я не люблю смотреть волейбол. Я люблю в него играть. А сидеть и завидовать мне не хочется, – отчеканила я и вытянула руку, чтобы получить свой рюкзак обратно.

– Ну, ты вспомни, как Соколовский тебе сексуально улыбался.

– По-моему, у него была судорога лица при виде меня, – ответила я устало и выхватила из ее руки рюкзак. – Всё, арибидерчи. Встретимся в общежитии.

Бочком покинула ряды сидений и, едва коснувшись ручки высокой двери, чтобы покинуть зал, как меня окликнули:

– Шишкина, – крикнул Соколовский. – Хочешь с нами в волейбол?

– Нет, – произнесла я скучающим тоном и повернулась к парню, который поправлял бандану на своем лбе.

– Слабо? – спросил он, ехидно сужив глаза.

– Еще чего?! – фыркнула я. – Просто не планировала сегодня видеть мужские слезы, когда кто-то из вас проиграет.

Среди парней прошелся тихий смешок. Юлька сидела на трибунах и, не моргая, активно кивала головой, призывая меня согласиться на эту авантюру.

– Испугалась? Так и скажи, – насмешливо произнес Стас, перебрасывая волейбольный мяч из одной руки в другую.

– Я смотрю, ты давно не глотал слезы поражения? – подошла к нему ближе и выхватила из рук мяч. – Сам напросился. И не говори потом, что я тебя не предупреждала.

Глава 7

– Блин, Сокол! – возмутился один из парней. – Без девок же нормально играли. Пусть смотрит сидит.

– Вот ты сядешь и будешь смотреть, – Стас кивнул на скамейку, указывая парню, где его место, раньше, чем я успела открыть рот и выплеснуть порцию яда. – Кто-то еще хочет присесть?

Спросил он у парней и те нерешительно переглянулись, лишь Жедимка и еще двое неизвестных деловито улыбались.

– Девчонок-то, всё равно, на команду не наберется, – произнес один из парней.

– Значит, будем делать смешанные команды, – пожал плечами Стасик и обратился ко мне. – Согласна?

– Какая разница, в какой команде тебе зад надрать, – смерила его насмешливым взглядом и бросила рюкзак на одно из сидений. Сняла безразмерную рубашку в клеточку и бросила ее поверх рюкзака, оставшись в одной белой футболке. Проигнорировала изучающий меня взгляд Соколовского и обратилась к девчонкам, сидящим в первом ряду. – Ну, кто хочет играть?

Тишина и что-то похожее на стрекот сверчков в поле – так звучат мысли поклонниц старшекурсников, которые к двадцати годам из всех предметов освоили только... плойку.

– Ясно, – выгибаю бровь и обращаюсь к Юльке, которая

сейчас пыталась скатиться под сиденья. — Давай к нам.

— Я не... — начала тушеваться подруга.

— Ты в кроссовках, поэтому будешь играть со мной, — и прежде, чем она успела сказать еще что-то, напредила. — Я тебя выручила, теперь твоя очередь.

— Блин! — выругалась девушка и бочком покинула ряд сидений. — Ладно. Поиграю, если не забыла как.

— Вспомни, что я тебе говорила про круглую штучку.

— Отстань, — проворчала подруга и встала рядом со мной, собрав волосы в высокий конский хвост.

Последовала ее примеру и тоже собрала в волосы в ежовую попку — как заботливо называла мама мой скудный пучок из коротких волос.

— Девчонки, — попыталась я снова обратиться к фанатам. — Может, кто-нибудь еще хочет? Решайтесь. Это же всего лишь игра.

Часть девушек посмотрели на меня как на умалишенную. Часть засмутились и отвели взгляд, но, стоило заговорить Стасику, как все как одна, с придыханием заглядывали ему в рот, улавливая каждое словечко.

— Смелее! — призывал он. — Мы вас дольше уговариваем, чем игра будет длиться. Кто еще?

Вызвалась одна из блондинок, вслед за ней пошла еще одна и на этом поток желающих закончился.

— Выбирай, с кем играть будешь, — предложил Соколовский, указывая на кучку, собравшихся под сеткой.

– Юлька со мной. И это не обсуждается, – притянула к себе подругу. – Тааак... Ну, раз нас всего четыре девчонки, то размажем поровну на две команды, да?

Блондинки согласились и даже взяли за руки в знак того, что их не разлучит даже летящий в них мяч.

– Значит, я беру вас в свою команду, – вклинился Стас, указав на меня с Юлькой. – К нам идет Митяй, Андрюха и Вован.

Если Митяя и Андрюху я знала, хотя бы, по общаге, так как с Митяем, он же Жедимка, мы иногда встречались в женском туалете, а Андрюху я исправно подкармливала, то, кто такой Вован и что с ним делать я не знала.

– А не много ли ты на себя взял? – перебила инициативу Соколовского. – Я возьму двух и ты возьмешь двух.

– Ну, хорошо, – развел он руками и хитро улыбнулся. – Выбирай еще одного.

Взглянула внимательно на парней, которые начали панельный перформанс. Кто-то встал в красивую стойку, согнув волосатую ножку в колене. Кто-то призывно задрал одну штанину свободных шорт и кокетливо строил глазки. А кто-то из парней вообще заявил, что на это не подписывался и не может, когда смотрят.

– Раз ты уже выбрал Жедимку, – произнесла я с намёком для Юльки, что не против его кандидатуры. – То я выберу вот того с пластырем на брови.

– Лёнь, – позвал этого парня Соколовский. – Давай к нам.

– Пока, неудачники, – кинул он через плечо другим парням и, подойдя к нам с грацией мешка картошки, встал между мной и Юлькой.

– Митяй и Андрюха, – кивнул он своим пацанам и те тоже встали в наши ряды.

Блондинкам наш выбор, а вернее, выбор Соколовского не понравился. Хотя бы потому, что они планировали заполучить в команду самого Стасика, но тот обломал их планы в самом зародыше.

Когда команды были укомплектованы, а споры с расстановкой на игровой площадке закончились, началась игра.

Меня поставили на подачу и первый удар был за мной. Прокручивая в руках мяч, пыталась одним только взглядом понять, на каком месте в той команде стоит слабое звено.

А что тут понимать? Их там два. Белобрысых таких, с ручками из узких штанишек и глазками навывкате.

– Шишкина, – обратился ко мне стоящий в центре Стас. – Ты хоть подавать-то умеешь или так и будешь мяч в руках крутить?

– Ты крутишь кудри, я мяч. Каждый при своем деле, – ответила я, не глядя на парня, красноречиво намекнув на его богатую шевелюру, которую он сдерживал полоской банданы.

Кто-то из парней тихо хохотнул.

Раздался свисток.

Быстрым взглядом оглядела противоположную команду.

Посмотрела на наших и заметила, что Стасик встал в позу, при которой был готов принять абсолютно любой мяч.

Хм, а неплохо...

Подбросила мяч в воздух, ударила по нему и попала ровно туда, куда и целилась.

– Шишкина, блин! – взревел Соколовский, получив подачу прямо между лопаток.

– Ой, прости-прости! – состроила виноватую рожицу и прижала ладонь ко рту. – Я не хотела попасть тебе в спину. Я в голову тебе попасть хотела.

– Ну, Шишкина! – произнес он угрожающе и начал стремительно ко мне приближаться. – Капец тебе!

Взвизгнув, подпрыгнула на месте и пулей ринулась к трибунам, чтобы затеряться среди рядов.

Фигушки... Один шаг Соколовского был равен трем моим. Пока я в паническом страхе и душащем смехе мельтешила своими маленькими ножками между рядами, он почти не торопясь настигал меня, перешагивая через ряды.

Потянулся, зацепил за край футболки.

Пытаясь извернуться, запуталась в своих же ногах, в которых затесался подлокотник сиденья, и лепешкой упала на пол.

– Соколовский! – кричала я, пытаюсь скинуть его руки, которыми он начал пытаться меня щекоткой. – Стас!

Уже не крик, а визг, так как я панически боюсь щекоток и Стас это точно помнил еще с того далекого лета.

– Не надо! – визжала я, изворачиваясь как червяк разрубленный лопатой, под тяжестью его веса. – Стас! Не делай так!

От смеха на глазах выступили слезы. Дышать уже стало тяжело. Вытянула руку и схватила его за кудрявые патлы и притянула к себе на пол.

Подобная наглость его немного дезориентировала и он практически упал на меня, во время успев опереться ладонями о пол по сторонам от моей головы.

– Шишкина, – тяжело дышал он, нависая надо мной. – Ты когда-нибудь повзрослеешь?

– Дай я тебе скажу один маленький секрет и ты сразу всё поймешь, – сказала вполголоса и приманила его пальцем поближе.

С нескрываемым интересом и лукавой улыбочкой Стас внимательно смотрел, то мне в глаза, то на губы.

– Ну, – подтолкнул он меня к откровениям.

– Гну! – передразнила я и натянула его бандану ему же на глаза.

Выбралась из-под парня и, перепрыгивая через ступеньки, вернулась на волейбольную площадку, где поняла, что я и Соколовский стали центром всеобщего внимания.

Девчонки кусали губы, скрывая раздражение или даже злобу. Парни готовились отдать дань уважения своему кудрявому вожаку путем респектующей пятюни. Лишь Юлька едва сдерживала ликующую улыбку.

– Раз вы закончили с прелюдиями, может, всё-таки, поиг-

раем? – осторожно предложил Жедимка.

– Чуть-чуть не считается, – резюмировал Соколовский и забрал у него мяч, бросив противоположной команде. – Ваша подача.

Наконец, началась нормальная игра, во время которой активными были все, кроме подружек-блондинок. Эти две девицы, отчего-то решили, что мяч – это чертов метеорит от которого нужно с визгом отскакивать, имитируя при этом активную игру. Имитируя, потому что сложно назвать настоящей игрой процесс, когда их руки тянутся в противоположную от мяча сторону.

– Соколовский, режь! – крикнула я, стоя под сеткой в момент, когда выдала ему мяч.

Послушный Статик сделал как было велено и уже третью партию мы вели с разгромным счетом.

Забив очередной гол, Стасик снова провел пятерней по волосам. Это его такая фишка после каждого забитого им гола, пропускать сквозь пальцы волосы, словно он прямо сейчас рекламирует шампунь от перхоти с мимикой геморроя на лице.

– Она сейчас скидку сделает! Ближе к сетке! – крикнул один из парней противоположной команды, когда мяч летел ко мне от Соколовского для контрольного гола.

Наивные. Вместо привычной скидки у самой сетки, забросила мяч им за спины. Продолжительный свисток стал сигналом тому, что очередная партия закончилась. Демонстра-

тивно повторила жест Стаса и провела пятерней по волосам, соорудив космически пафосную морду.

В ответ получила от него улыбку и покачивание головы.

Ага! Понял, как всё это смотрится со стороны, павлин чертов?

– Еще партейку? – предложил Жедимка.

– Нет! – слишком громко и быстро отказалась Юлька. – Я всё!

– Как знаете, – пожал он плечами и забросил волейбольный мяч в кольцо.

– Пойдем отсюда, пока нас еще куда-нибудь не впутали. Ты не впутала! – уточнила подруга и, схватив под локоть, почти вытолкала меня из спортзала.

– Приходите еще, девчонки! – донесся до нас голос парней. – Весело с вами!

– Ага, обхохочешься, – проворчала Юлька. – Все руки теперь болят из-за этих игр.

– Ты сама хотела сюда идти, – напомнила я ей. – Вот и получай.

– Я хотела просто посмотреть, а не быть вовлеченной в процесс.

– Вовлеченной в процесс же интересней. По крайней мере, ты не жаловалась, когда с Жедимкой своим бедрами ударялась в качестве празднования гола.

– Ну, ладно, – ответила она смущенно и спрятала довольную улыбку. – А ты сама-то! – внезапно опомнилась она. –

Это что за брачные игры такие со Стасиком между сидениями были в самом начале.

– Никаких игр, – пожала я безразлично плечами. – У нас война, если ты забыла.

– Ага, видела я ту войну, – произнесла она иронично и передразнила мой голос. – «Соколовский!» И упала между сидениями. Потом появилась голова. «Стас!». И опять пропали за сиденьем. Потом «Не надо! Стас! Не делай так!». А когда он выглянул из-за сидений и ты вернула его вниз, схватив за волосы, лично я хотела немного притушить свет и оставить вас одних.

Не знаю, почему, но отчего-то стало смешно. Я не предполагала, что наша маленькая стычка со стороны выглядит очень даже двусмысленно.

– Отстань, – отмахнулась от подруги. – Война это. Старая и долгая.

– Ничего себе война! С такой войной и свиданий не надо.

Глава 8

Время выходного дня уже близилось к обеду. Но, несмотря на это, в общежитии царила абсолютная тишина, так как большая часть студентов отсыпалась за всю учебную неделю, либо только несколько часов назад легла спать после безудержного ночного кутежа.

Я, как это чаще со мной бывает, не относилась ни к тем, ни к другим и возвращалась в свою комнату после одного важного дела, которое успела провернуть за одно только утро.

Вошла в комнату, сняла кеды, джинсовую куртку оставила в шкафу. Юлька всё еще спала, высунув из-под одеяла одну ногу. Умаялась бедная. Сначала вчера весь вечер вместе с Тимохой пыталась уговорить меня пойти на тусу, которую устроил на своей квартире Соколовский. Потом долго рисовала лицо, чтобы Жедимка был очарован, а потом вернулась под утро в комнату на плече Тимохи, которого мне после его джентельменского поступка, пришлось провожать уже до его комнаты.

Открыла небольшой холодильник, который мы с Юлькой купили, чтобы не пришлось ставить пароль на контейнеры с едой в общем холодильнике. Достала минералку, прихватила стакан и подошла к кровати подруги. Немного потрясла бутылку и отвернула крышку, с удовлетворением получив нужную громкость шипения.

Туловище под одеялом зашевелилось.

Установила приличное расстояние между бутылкой и стаканом и начала переливать ее содержимое в стеклянную тару. Звук живительной жидкости для девушки с Великого Бодуна стал воскрешающим. Из-под одеяла высунулась рука и сжала и разжала пальцы, призывая меня сжалиться и дать хоть каплю чудодейственной минералки.

Отставила бутылку на тумбочку и вместо стакана вложила в Юлькину руку старательно сложенную мной фигу.

Пальцы подружки неловко ощупали мой презент и пришли к выводу, что это не те дроиды, что она ищет. Из-под одеяла послышался жалобный хрип.

– Маша, – таким голосом, должно быть, старуха с косой разговаривает. – Дай.

– А кто это нас там такой капризуля? А кто это ночью Машеньке спать не давал и песни громко пел? – стягивала с нее одеяло, приговаривая елеиным голоском. – А кто это ночью ел сосиски прямо с упаковкой? А кто потом хотел измазать Жедимкину дверь арахисовой пастой, чтобы он решил, что это какульки, а потом спалился коменде да так, что та решила, что ты в какульку настолько, что даже в себе её не удержала? А кто потом демонстративно обсасывал пальцы с этой арахисовой пастой и чуть не довела до рвоты коменду и даже меня, хотя я знала, что это не то, о чем можно было бы подумать? Кто у нас так плохо себя вел ночью? Правильно, Юленька.

– Правда? – показала она свои пристыженные глазки с размазанной тушью под ними. – Коменда меня видела?

– О, ты была звездой сегодняшней ночи! Я думаю, она тебя после этого еще долго будет помнить.

– Блин! – завывала подруга и снова спряталась под одеялом. – Это всё Дима виноват.

– Да? И чем же он провинился? Оказался недостаточно сладок для тебя?

Тяжелый вздох.

– Он вчера к другой клеился. Вернее, она к нему, а он повелся, – пробубнила она.

– Какая печальная печаль, – сыронизировала я. – Держи минералочку, королева мятого арахиса.

– Как стыдно-то, господи! – высунулась она из-под одеяла и осушила стакан в несколько глотков. Сменила стакан на бутылку и отпила из нее, но уже с меньшей жадностью. Затем прислонила её ко лбу и с облегчением закрыла глаза. – Я теперь не выйду из комнаты.

– Да ладно тебе, – попыталась я ее успокоить и устроилась на своей кровати в позе лотоса. – Думаю, коменда и не такое за все свое время работы видела. Сомневаюсь, что ты ее сильно удивила.

– Капе-ец! – посокрушалась она еще немного о себе и неожиданно перевела стрелки. – Это ты всё виновата!

– Я?! – от удивления чуть не лопнули глаза.

– Ты! – подтвердила Юля. – Если бы ты пошла со мной,

то не дала бы мне так нализаться.

– Ну, да, – закивала я активно. – Я бы тебе дала нализаться по-другому.

– Как же башка болит, – простонала Юля и прикрыла глаза. – Кто, говоришь, меня принес?

– Тимоха. Красивую такую. Лохматую, поющую репертуар Ленинграда.

– стыдоба-то какая.

– Да, ладно. Прикольно было. Ты такая милая, когда нифига не соображаешь. Даже в любви мне призналась раз шестьсот.

– Ну, хоть что-то хорошее за вечер сделала, – наконец, улыбнулась она и оглядела меня одним прищуренным глазом. – А ты куда собралась?

– Я уже вернулась, вообще-то. В мире трезвых уже обед.

– Да? – подруга схватила телефон с тумбочки и взглянула на часы. – Почти час дня. Кошмар. И куда ты ходила?

– На работу устраивалась.

– Зачем? – искренне удивилась девушка. – Родители же есть!

– А кто это у нас так плотненько на родительской шее сидит? Кто у нас великовозрастный нахлебник? – сузила я глаза, снова наступая на девушку елейным голосом.

– Юленька? – спросила она неуверенно.

– Молодчинка какая!

– Отстань, – отмахнулась та и снова закрыла глаза. – Кста-

ти, Соколовский вчера расстроился, когда увидел, что я без тебя пришла.

– Ну, пусть привыкает. Ему часто придется видеть тебя без меня.

– Размечталась, – фыркнула Юлька. – Он сегодня устраивает вечеринку в общежитии. На нашем этаже. И что-то мне подсказывает, что делает он это специально для тебя.

– Это похмелье. Оно подсказывает тебе всякий несусветный бред.

– Да ладно тебе, – скуксилась подруга. – Не такой уж он и плохой.

– Я не говорю, что он плохой. Я говорю о том, что мне в универе его морды хватает. И видеть его добровольно еще где-то мне не хотелось бы.

– Всё равно, он прикольный.

– На вчерашней вечеринке проходило посвящение в его фанклуб?

– Нет. Почему ты так решила?

– А почему ты его, вдруг, решила нахваливать?

– Просто, сказала, что думала.

– Не делай так больше.

– Не говорить?

– Не думай, Юля.

Подруга рассмеялась и бросила в меня опустевшей бутылкой.

В дверь послышался тихий стук. Раньше, чем мы с Юль-

кой успели что-то ответить, в проеме показалась белобрысая голова Жедимки.

– Девчонки, привет! – произнес относительно бодро.

– Чё тебе? – спросила подруга вместо ответного «здрась-ти».

– Ты чего вчера меня не дождалась? – спросил он у нее неожиданно робко.

Да, что уж там! Тут даже я немного трухнула, увидев игру актрисы перегарного театра.

Морда кирпичом. Глаза стреляют гневом. Яд собрался в уголках губ и готов снова с них сорваться.

– А должна была? – спросила она надменно. – Ты мне кто, чтобы я тебя ждала?

– Я думал, мы вместе в общагу вернемся, – парень с опаской взглянул на меня, словно спрашивая, что происходит. Пожала плечами, давая понять, что тоже не в курсе, с какой змеей спала сегодня в одной комнате.

– Мало ли, что ты там себе думал, – проворчала подруга, укрываясь одеялом до подбородка. – Иди, вон, о рыжей своей думай.

– Юль...

– Ещё слово и от тебя останется только след мела на полу, – процедила она сквозь зубы, что оказалось весьма действительно.

Парень снова вопросительно посмотрел на меня, на что я лишь развела руками.

– Это ты еще не видел, что она может сделать с помощью арахисовой пасты, – подтрунила я над подругой и услышала со стороны её кровати кашель с отголоском слова «заткнись».

– Я, тогда позже зайду? – скорее спросил, чем предупредил.

– Не надо, – огрызнулся Юлька.

Дверь за Жедимкой закрылась и подруга спрыгнула с кровати, тыча в дверное полотно средними пальцами.

– Ты так изыскано флиртуешь, – усмехнулась я и завалилась на постель, подмяв под себя подушку.

– А чё он?!

– Железобетонный аргумент.

– Ну, так что? – лукаво улыбнулась Юлька.

– Что? – насторожилась я.

– Пойдешь сегодня на вечеринку к Соколовскому?

– Нет и не собиралась.

– А если он сам к тебе придет?

– Угощу его арахисовой пастой. Как раз сегодня ночью кое-чему научилась.

– Вот ты... коза!

Глава 9

– Ну, пойдем с нами, – канючила Юлька, подпрыгивая у моей постели.

– Нет, – безапелляционно.

– Да пойдем, – типа пофигистически позвал Тимоха.

– Нет, – я сама непреклонность.

– Ну, что ты такая скучная? – спросила Юлька, распластавшись у меня в ногах.

– Тебя так к двадцати годам кошки сожрут, которых ты заведешь от тоски и одиночества, – присоединился к ней Тимоха.

– Лучше кошки в двадцать, чем лобковые вши в восемнадцать, – бросила на них многозначительный взгляд из-за ноутбука. – Страшно даже предположить, как проходят такие вечериночки за бутылочкой.

– Чёт даже я перехотела идти.

Поморщилась Юлька, но Тимоха поспешил разгладить её сомневающееся лицо одним своим большим аргументом.

– Если что, то мои вши самые породистые. У тебя, полюбому, таких нет.

– Я еще больше перехотела куда-то идти, – с опаской глянула на него подруга и, не сдержавшись, рассмеялась, увидев, как растерялся наш парниша. – Ладно, пойдем, породистый гребешок, а то эту старуху всё равно не уговорить.

– Почему это я гребешок? – нахмурился Тимоха и приоткрыл для Юльки дверь из нашей комнаты.

– Ну, вошь же на гребешке скачет... – начала объяснять ему подруга и дверь за ними, наконец, закрылась.

Выждала еще пару минут, чтобы убедиться в том, что они не вернутся и не продолжат лекцию о вшах при мне, и надела на голову объемные наушники. Снова включила сериалчик, который мечтала посмотреть еще с самого окончания школы.

То ли фильм был настолько затягивающим, то ли я была настолько ворона, но в какой-то момент кто-то выключил свет в моих глазах и, как есть – свернутую в одеяле, понес в неизвестном направлении.

– Какого гробика, черти?! – ругалась я, избивая воздух и все то, что попадает под руку. – Вы, что мне носок на голову надели? Чем так воняет?

– Это мешок для кроссовок, – прошептал мужской голос.

– Ты ничего другого придумать не мог? – прошипел ему голос того, кто нес меня на плече.

Потянула за ткань и вместе с клочком волос сняла её с головы, с облегчением ощутив относительно свежий воздух общаги.

– Мне хана, – сразу понял Жедимка, когда увидел, с каким лицом я родилась из вонючего мешка.

Быстро оценила обстановку и поняла, что меня весьма нагло перегнули через плечо и несут в неизвестном направ-

лении известной общажной пьянки.

– А, ну, отпусти меня, жираф, чертов! – взбрыкнула я, но обладатель плеча лишь на долю секунды притормозил и слегка меня подкинул, чтобы удобнее на плечике его лежала.

– Тише-тише, – прошептал он и ощутил себя настолько бессмертным, что погладил по пятой точке, скрытой одеялом и приключением, которое прямо сейчас к ней липнет.

– Я сейчас Валентину Марковну позову, – чтобы быть повелителем угроз в общежитии, всегда нужно помнить имя ее коменданта.

– Уехала твоя Марковкина, не шурши, – пробасил близ моей задницы голос кудрявого индюка.

– Соколовский! – взревела я и зачем-то схватилась за его филе, скрытое джинсами.

Схватилась так крепко, что слышала хруст французской булки.

Вообще-то, нет!

Вместо аппетитного хруста раздался лошадиный ржач и обе наглых ладони легли уже на мои тощие булки.

– Теперь моя очередь, – довольно произнес Соколовский и занес меня в неизвестную мне комнату, где как тараканы у брошенного куска хлеба толпились студенты, оккупировав небольшой столик.

– Пришла! – несколько человек начали ликовать, искренно радуясь моему прибытию на лохматом корабле.

– А вы говорили, что она не согласится, – усмехнулся

Стас, но не спешил ставить меня на пол. – Вон, как рвется, аж извивается вся. Строптивая такая.

– Может, ты уже вернешь меня на землю? Или мне весь вечер задницей общаться?

– А мне нравится, – ответил Стасик и снова прошелся ладонью по булочкам. – Есть еще ягоды в ягодицах.

Если бы смехом толпы можно было питать города как электроэнергией, то в крупном мегаполисе сейчас не осталось бы ни одной незажженной лампочки.

– Соколовский, – процедила я сквозь стиснутые зубы и попыталась выпрямиться на его плече. Выпутала вторую руку из одеяла и без прелюдий вцепилась в его шевелюру, проигнорировав тех шевельнувшихся бабочек-БДСМщиц в животе, которым понравился этот мой внезапный жест.

– Если так будет и дальше, – сверкнул он довольно глазами цвета горького шоколада. – То мы пойдем в отдельную комнату раньше, чем я планировал.

– Чё ты там планировал?! – дернулась в его руках, отчего спустилась чуть ниже. – Ты бы не напрягал так руки, Стасик. Они тебе еще пригодятся.

– И для чего же? – спросил он и едва заметно ослабил хватку, чтобы наши лица оказались на одном уровне.

– Чтобы было с кем в отдельной комнате уединиться. Ну, знаешь там, Маша Кулачкова и ее подружка?

Гогот толпы лишь подстегивал наш спор.

– Я как раз планировал уединиться с Машкой, вот только

не Кулачковой, а с Шишкиной, – парировал он, омерзительно красиво улыбаясь.

– Да! Шишкину на шишку! – крикнул кто-то из парней, чем вызвал неконтролируемый ослиный ржач всей комнаты.

Даже мы оба не выдержали и прекратили стрельбу глазами. Рассмеявшись, ударились лбами и вспомнили о том, что мы, вообще-то, враги намбэр ван и надо бы скалить зубы, а не просто их сушить.

– Отпусти меня сейчас же, – проворчала я, брыкаясь в его руках подобно рыбе на льду.

– Подожди, припадочная, не дергайся, – прижал Стасик меня крепче и немного наклонился до тех пор, пока я не коснулась пальцами ног его ног, на которых мысленно сплясала чечетку в шипованных бутсах. – Довольна?

– Тапочки мои где? – спросила я грозно.

– Вот, – поспешил мне вручить их в руки Жедимка, после чего боязливо отступил на пару шагов.

– Это я припадочная?! – замахнулась тапком, мысленно превратив кудрявого индюка в лохматого таракана. Не зря же еще в детстве я придумала называть его Стасик-таракасик. – Планировал он!

Ударила по нему тапком раз, другой, из-за чего парню пришлось спастись бегством по всем поверхностям внутри комнаты.

– Шишкина, – смеялся он, уклоняясь от очередного тапкометания. – Я же и в ответку могу тапочком двинуть. А мой-

то побольше будет.

– Вот только не надо мне тут хвастаться своими размерами! – не унималась я, бросая в него уже всем, что под руку попадет. – Побольше у него, видите ли!

– Ненормальная, – смеялся Стас и неожиданно остановился, и резко развернулся на месте, отчего я на полной скорости впечаталась в его грудь. – Бу!

– На! – шлёпнула его ладонью в лоб и поняла, что теперь моя очередь убежать.

Невероятно захватывающая погоня продлилась ровно два моих шага. Потому что, прежде, чем начинать от кого-то убежать, нужно избавиться от одеяла, на которое могут наступить и тебя словно соплю в платочек завернут в это же одеяло.

– Спеленал, – довольно произнес Соколовский мне в самое ухо. – Вот так и будешь сидеть со мной всю ночь.

Сказав это, он устроился на полу и усадил меня между своих ног, обнимая так, словно мы на свидании, а не на каком-то странном пати, устроенном старшекурсниками.

– Руки хоть дай освободить, – подергала я плечами. – А то как в смирительной рубашке.

– Не освобождай её рук! – остановил его своим возгласом Жедимка. – Она же всех нас тут передушит.

– Ты будешь первым, – чуть склонив голову набок и лукаво сузив глаза, посмотрела на пугливого блондина.

– Я ее удержу, – заверил всех Соколовский.

– Пукнешь, – попыталась я уберечь его от конфуза, чем лишь снова всех насмешила.

Оглядела собравшихся и мне совсем не понравилось их передвижение. Они собирались в кружок, в центре которого положили бутылочку.

Бросила вопросительный взгляд на Юльку и та удовлетворительно кивнула.

Отрицательно покачала в ответ ей головой.

Она снова положительно кивнула, гаденько при этом улыбнувшись.

Ну, класс, чё! Привет, общажная оргия. Никогда не было и вот опять...

– Надеюсь, все помнят правила игры в бутылочку? – спросил Тимоха. – На кого указала попка бутылочки, тот целует того, на кого указало её горлышко.

– А я думала, что на кого указало горлышко, того и должен поцеловать тот, кто раскрутил бутылочку, – вклинилась Юлька.

– Это скучная лотерея, – поморщился Тимоха. – А тут никогда не угадаешь, в чьи десны попадешь.

– Фу! – скуксилась подруга и я была с ней абсолютно солидарна. – А если бутылочка укажет на двух парней или девочек? Или кто-то не захочет целоваться? Что тогда?

– Тогда тот, кто первым отказался от поцелуя выполняет желание того, кого должен был поцеловать, – деловито ответил одноклассник и приготовился раскручивать поцелуй-

ную рулетку.

– А если горлышко укажет на нашу парочку с одеялом? – не унималась Юлька, за что получила мой испепеляющий взгляд. – Всем троим надо будет целоваться? То есть к ним должен будет примкнуть еще тот, на кого указало горлышко?

– Ну, ты и извращенка, Юлёк, – почти с восхищением произнес Жедимка.

– В таком случае, пусть Соколовский с Шишкиной и со-
сутся. Третий лишний, – подмигнул нам Тимоха и тоже получил мой испепеляющий взгляд.

И тоже не испепелился. Блин! Надо бы настроить свои глазки, что-то они совсем не огонёк.

– Погнали! – воскликнул торжественно Тимоха и крутанул бутылочку, которая, конечно же, указала горлышком куда? Правильно! На нас с Соколовским.

– Так сразу? – довольно произнес Стасик мне в затылок и его руки на моей талии ожили.

– Целуйтесь! – затребовали собравшиеся парни. Лишь все девчонки, кроме Юльки, соорудили недовольные рожицы, невероятно медленно закатив глаза, поняв, что сейчас драгоценные капли Соколовской слюны попадут не им в рот.

Надеюсь, к утру они смогут выкатить свои глаза обратно.

– Я откушу тебе кадык, – процедила сквозь зубы, поворачиваясь к нему.

– Я научу тебя нормально целоваться, – парировал Стасик, помогая мне устроиться напротив него.

В карих глаза, которые то и дело стреляли на мои губы, горело лукавое пламя. Кривая улыбочка, словно у него прямо сейчас начался инсульт, раздражала и вызывала желание двинуть по ней коленом.

Наши лица стремительно приближались друг к другу, а я лихорадочно искала пути отхода. В каком случае я отделаюсь малой кровью: если поцелую его или выполню одно идиотское желание?

– Целуй, – произнёс он тихо и случайно коснулся губами щеки.

– Еще чего?! – фыркнула и отклонилась.

Затылком чувствую прожигающие взгляды замерших в ожидании соседей по общежитию. Особенно девчонок, конечно же.

– Целуй или тебе придется выполнить моё желание, – напомнил парень условия игры.

Опустила взгляд на злосчастную бутылочку, которая волею судьбы и с помощью кривых пальцев соседа решила, что я должна поцеловать главного бабника всего универа.

– Желание! – выпаливаю я раньше, чем его губы успевают коснуться моих.

– Желание? – выгнул он иронично бровь и в темных глазах разгорелся лукавый огонёк. – Сама напросилась...

Глава 10

– Ты нормальный, нет?!

Моя челюсть уже пару минут лежала на полу от услышанного. Боже! Лучше бы я её немного напрягла и быстро поцеловалась с Соколовским, чесслово, вместо того, чтобы идти сейчас на откровенное преступление.

– Ты сама выбрала желание, – ехидно скривил он губы, по которым мне снова захотелось съездить тапком.

– Я думала, там будет что-то типа: прокукарекать под столом, пробежаться по этажу, скандируя ЦСКА-чемпион, но не это.

– Хорошо, – выдохнул Стас. – Можешь прокукарекать под столом, – теперь и я выдохнула с облегчением. – Но сразу после того, как исполнишь моё желание.

Для большей схожести с Дьяволом ему не хватало только хвоста. Кудри уже торчали так, что с определенного ракурса их можно было принять за рога, а эта демоническая улыбка, наверняка, толкала на грех очень многих девушек.

– Ненавижу, – сузила презрительно глаза и выглянула из-за угла, чтобы посмотреть на милейшую со всех сторон Галину Олеговну – вахтершу нашего общежития.

– Тырь, – подтолкнул меня Соколовский.

– Давай! – зашипела толпа зрителей, что собралась на лестнице, ожидая, когда я уже решусь на отвратительное де-

яние.

Закрыла глаза, на секунду представила, что я тибетский монах, познавший спокойствие всей вселенной и ни капельки не боюсь быть, в случае чего, пойманной за руку.

– Так! – вскинула я руки, шепотом успокаивая волнующуюся толпу. – Обговорим еще раз. Я должна стащить журнал посещений у вахтерши и принести его тебе, всё?

– Всё, – согласно кивнул Соколовской и хитро улыбнулся.

– Точно всё? – ткнула его в грудь пальцем и сощурила глаза, делая вид, что включила на всю мощность внутренний детектор лжи, сканер и стетоскоп на всякий случай.

– Точно-точно, – закивал он активно и, схватив меня за плечи, вывел на свет коридорный, после чего аккуратно подтолкнул в спину. – Иди.

Оправила край футболки, словно мой опрятный вид мог на что-то повлиять и, решив, что перед смертью не надышишься, уверенным шагом подошла к столу, за которым сидела вахтерша, заполняя какой-то журнал.

– Здравствуйте, Галина Олеговна, – проблеяла я, волнуясь. – Как... как дела?

– Здравствуй, Шишкина, – ответила она, взглянув на меня с подозрением. Всё, миссия провалена. Меня раскусят сейчас как огурчик. – Нормально у меня дела. Что-то случилось? Что ты такая умасленная?

– Я?! – искренно удивилась и оглядела свой внешний вид. Никакого масла. Я чиста и без разводов.

– Ты, Шишкина, – кивнула женщина и сложила пальцы домиком под подбородком. – Что хотела?

– Ничего, – нервный смешок. Невинное моргание. – Просто подошла поболтать. Не можно?

Божечки! Шишкина, что ты несешь? Какие «не можно»?

– Можно, – прикусила она губу, чтобы не рассмеяться. – А что, на этаже болтушки закончились?

– Ну-у, – протянула я задумчиво и бегло оглядела стол на предмет нужного мне журнала. Оп! Нашла! Совсем рядом с моей рукой. – Просто, я всех болтушек на своем этаже переговорила и решила к вам сходить.

– Хочешь заговорить меня до смерти, Шишкина? – хитро спросила Галина Олеговна, наверняка, чуя подвох в каждом моём слове.

– Я сегодня гуманист, поэтому обойдусь без жертв. Их достаточно полегло на четвертом этаже, поэтому на сегодня хватит, – продолжала я нервно нести чушь, на ходу придумывая план по отвлечению женщины. – Так, как у вас дела, говорите?

– Нормально, – изогнула она бровь, а я в этот момент почувствовала, как она сканирует моё тощее тельце. Вот и пельмешки в желудке пересчитала. Одиннадцать. – У тебя точно всё нормально?

– У меня? – перешла я на ультразвук и неловко махнула рукой, отчего с её стола упала какая-то корзиночка с цветами из бисера. – Ой, у вас упало, Галина Олеговна!

– Я подниму, – поспешила наклониться женщина, чем здорово меня выручила.

Пока она кряхтела под столом, я быстро схватила журнал посещений и поняла, что дело пропала, потому что спрятать мне его было некуда, а бежать прямо сейчас уже не вариант, поэтому я не нашла ничего лучше, кроме как спрятать его под футболку и закрепить для верности резинкой пижамных шортов.

Но шиш...

Шишка из волос на голове Галины Олеговны появилась раньше, чем я успела щелкнуть резинкой. И, чтобы не казаться подлой воришкой, я снова не придумала ничего умнее, кроме того, как начать обмахиваться этим журналом прямо себе под футболку.

– Ух! Что-то жарко тут у вас, – запыхтела я и для верности еще и перед лицом себе помахала журналом. – Как вы тут сидите?! Ужас!

– Шишкина, с тобой точно всё в порядке? Может, тебе от головы чего дать? – обеспокоенно спросила женщина.

Топор мне, пожалуйста, от головы моей дурной. Принимается один раз в шею. До упора.

– От головы? – состроила страдальческую мордашку. – Да, можно. Болит немного и кружится.

– Сейчас, – всполошилась Галина Олеговна и поднялась со своего стула, после чего удалилась в свою комнату, в которой ночевали и другие вахтеры.

Настал момент, когда нельзя было терять ни секунды.

Развернулась на пятках и почти на цыпочках, добежала до угла, за которым скрывалась лестница, а на ней толпа, смеющихся друг другу в плечи, зрителей.

– Не можно! – прошипел кто-то из них и народ снова ожил, чтобы опять умереть в беззвучном смехе.

Всучила журнал в руки широко улыбающемуся Соколовскому, стрельнула в него убийственно убивающим взглядом и столь же быстро и резво вернулась на исходную позицию, ожидая возвращения вахтерши.

Как раз вовремя, потому что она уже вышла из своей коморки и торопилась ко мне, неся таблетки в вытянутой руке.

– Вот, Шишкина, держи, – вложила она мне в ладонь блистер. – И иди отдыхай, а то что-то, то краснеешь, то бледнеешь тут передо мной. Простыла, что ли?

Это стыд, Галина Олеговна. Самый стыдный стыд, что есть во мне сейчас и все его оттенки.

– Спасибо, – выдавила я, чувствуя, что сегодня не усну от угрызений совести. Она ко мне со всей душой и добрым сердцем, а я у нее журнал спёрла. – Спокойной ночи, Галина Олеговна.

– Иди уже, Шишкина, – махнула она на меня рукой, продолжив заполнять один из журналов.

Лишь бы до журнала посещений не дошла раньше, чем я поднимусь в свою комнату.

Практически откланявшись, завернула за угол и столкну-

лась с Соколовским, который меня там всё еще подждал. Единственный, кто остался меня ждать и дождался.

– А ты не такая уж и скучная зубрилка, как я думал, – шепнул он мне, толкнув плечом.

– Сам ты... пудрилка, – прошипела я и прошла мимо него на лестницу, чтобы поскорее подняться на свой спасительный четвертый этаж.

– И ничего я не пудрилка, – догнал меня Стас и встал поперек дороги, преграждая мне путь своей широкой грудью, которую хотелось проткнуть ногтем. Вскинула на него грозный взгляд и поймала плутовскую улыбку. – Может, сходим куда-нибудь? Вдвоём.

– До этажа моего, – согласно кивнула и обошла его стороной. – Цветов можно не дарить и на поцелуй на прощание не надеяться.

– Будто мы с тобой никогда не целовались, – произнес он ехидно и снова меня догнал.

– О, Соколовский! – иронично протянула я. – Тот день был самым слюнявым днем в моей жизни. Могу тебе с уверенностью сказать, что тебя в этом деле еще никто не переплюнул. Во всех смыслах этого слова.

– В тот день был дождь, – запротестовал он, сдерживая смех.

– Ну, да, – согласно кивнула я, перепрыгивая через ступеньки. – И дождь тот лил прямо из твоего рта.

– Можем проверить насколько я стал хорош с того дня, –

предложил парень, внезапно преградив мне путь и опасно приблизившись к губам.

Личное пространство? Не, не слышали.

– Соколовский, – выдохнула ему в губы. – Даже если завтра наша планета превратится в пустыню, а единственный источник влаги будет находиться у тебя во рту, я буду жрать песок.

– Уверена? – Стас бросил взгляд на мои губы, отчего я судорожно сглотнула, заметив, как он прикусил свою нижнюю губу.

Разве мальчики умеют это делать столь завораживающе?!

В глаза смотри, Шишкина. В глаза!

– У-уверена, – ответила я и для большей убедительности почти топнула. Снова обошла Соколовского и уже более серьёзное добавила. – И одеяло моё потом через Юльку верни. Понял?

– Не обещаю.

Глава 11

– Блин! Он опять на тебя смотрит, – прошептала мне Юлька и в очередной раз потрясла руку, в которой находился стакан с кофе.

– Юль, если ты меня еще раз тряхнешь, я этот стакан тебе в лоб вдавлю, – выдохнула я устало, чувствуя, что после ночи очередного общажного сумасшествия пойду ночевать где-нибудь на вокзале. Отчего-то складывалось ощущение, что там, среди чемоданов и пассажиров, выпататься получится лучше, чем в общаге среди сумасшедших соседей, которые, судя по всему, на батарейках. Иначе их активность и днем и ночью я объяснить просто не в силах.

– Посмотри на него хоть раз в ответ, – прошипела она, в нетерпении ёрзая на стуле. Видимо, батарейки заряжены на полную мощь, отчего ей даже недвижимо сидеть не удастся.

Матерясь в глубинах своего не выпавшегося сварливого сознания, подняла взгляд и посмотрела за тот столик, где сидел Соколовский в своей привычной компании ржущих на всю столовую ослов.

Парень, вообще, на меня не смотрел. Всё его внимание вместе с глазами упало в декольте блондинки, которая сидела у него на коленях и лохматила его, и без того, лохматую голову.

– Не смотрит он на меня, – пробубнила я и поспешила до-

пить остатки кофе, пока подруга снова не ткнула меня локтем в ребра.

– Смотри, – не шевеля губами, ответила она.

– Не смотри, – передразнила её и снова взглянула на Соколовского, который, судя по движению руки, поглаживал коленочку блондинки под столиком.

Эй, тут, вообще-то, люди едят!

– Ты куда смотришь? – ткнула меня в бок Юлька, из-за чего мне захотелось треснуть её подносом.

– На Соколовского. Ты ж его мне постоянно сватаешь.

– Забу-удь, – почти завывала подруга. – Я про того красавчика сбоку.

– С какого?... – без особого интереса посмотрела туда, куда Юлька стрельнула своим неугомонным взглядом и пропала.

Студенческая столовая превратилась в место съемки, то ли болливудского, то ли голливудского фильма. Казалось, что всё вокруг замерло или же передвигается как в замедленной съемке. Пропали звуки, запахи... Остались только я и тот парень за соседним столиком, в серых глазах которого я потеряла свой разум.

Светлые русые волосы в творческом беспорядке, серые глаза смотрели с неподдельным интересом исключительно на меня. Красивые губы медленно изогнулись в обольстительной улыбке, что дало мне понять, что я слишком долго смотрю на него. Наверное, нужно отвернуться, а то уже

неприлично...

Еще секундочку и я всё. Честно.

Взгляд зацепился за его правую руку, между пальцами которой он гонял медиатор. А еще этот кожаный плетеный браслет на его запястье.

Боже! Нельзя быть таким идеальным!

Это преступление! Я вызываю полицию!

Вновь подняла взгляд на его лицо и почувствовала, как залилась краской до самых кончиков ушей от столь пронизательного взгляда светлых глаз.

– Кхм, – сделала вид, что катастрофически больна и отвернулась от него, уткнувшись в пустой стакан.

– София и Мирон, – произнесла Юлька, ковыряя макароны в своей тарелке.

– Что? – вышла я из магического транса и всеми силами старалась не думать о том, что где-то там, за соседним столиком сидит мой идеал.

– Детей своих назовите София и Мирон, – уточнила подруга и едва сдержала смех, поняв, что после окулистического флирта я абсолютно лишилась сообразительности.

– Не выдумывай глупостей всяких, – поморщилась я и вернула стакан на поднос. – У нас будет два сына: Рулон Обоев и Подрыв Устоев.

Повисла короткая пауза, во время которой Юлька пыталась сообразить шучу ли я или и в самом деле кукухой поехала.

Наконец, до нее дошла вся глубина моей иронии и девушка ударилась лбом об стол, утопая в приступе смеха, которым заразила и меня.

– Рулон Обоев! – смеялась она, ударяя ладонью по лбу. – А! Капе-ец!

Видимо, мы смеялись довольно громко, потому что в какой-то момент я поймала на себе взгляд Соколовского, колени которого всё еще грела блондинка. Парень улыбнулся, слегка сощутив глаза, словно имел отношение к нашим шуткам или же, мы вовсе, шутили о нем.

Наивный.

– Привет, – прозвучал над головой приятный мужской голос.

Вскинула подбородок и потеряла дар речи, так и оставив рот открытым.

Рядом со мной, сверкая белизной безупречных зубов, стоял тот самый сероглазый парень.

Надо, наверное, ему что-то ответить? Шишкина, очнись! Земля вызывает Шишкину!

– Привет, – первой опомнилась Юлька, пока я благодарила вселенную за то, что сижу на стуле, а не стою на трясущихся ногах. – Я Юля, а это моя подруга Маша.

– Рад встречи, девчонки, – улыбнулся он шире и выжидающе посмотрел на меня. – Я Руслан. Можно просто Рус.

Надо что-то сказать! Надо что-то сказать!

Тараканы в панике носились в моей голове в поисках

кнопки запуска речевого аппарата, который куда-то запропастился.

Боже! Надеюсь, у меня хотя бы рот закрыт.

Какие у него глаза! Ммм...

Юлькин локоток прилетел мне точно под ребра. Дернувшись, немного приблизилась к парню и речевой аппарат, наконец, заработал.

– Какой курс? – спросила я, усиленно хлопая ресницами.

– Четвертый, – ответил Рус. – А ты первый, да?

– Сильно заметно? – изобразила неловкость, воровато оглядевшись, и случайно поймала взгляд Соколовского, который без тени улыбки смотрел на русоволосого бога, стоящего рядом со мной.

– Нет, Маша. Ты почти как родная в студенческой среде, – согласно кивнул парень и перекатил между пальцами медиатор.

Родная... Часть тараканов в моей голове упали в мечтательном экстазе.

– В общежитии живешь или на квартире? – спросила я, чтобы поддержать диалог и удержать парня подольше рядом с собой, чтобы вдоволь надышаться мятой, которой от него так классно пахло.

– Снимаем с пацанами квартиру. Можешь, как-нибудь в гости заглянуть. В конце месяца устроим небольшую вечеринку. Приглашаю.

– Я подумаю, – кокетливо улыбнулась и заправила прядь

волос за ухо.

– Буду ждать, – подмигнул он мне и, поправив, рюкзак на плече покинул столовую, кивком головы, позвав за собой пару парней, что сидели за одним с ним столиком.

– Я так понимаю, наклёвывается Рулон Обоев? – подтрунила надо мной подруга.

– Не, – покачала я головой, стряхивая наваждение. – Для начала Букет Конфетов.

– Эх, и почему вокруг тебя столько красавчиков? – почти горестно вздохнула Юлька.

– Сколько сколько? – вскинула я брови и встала из-за стола, прихватив поднос. – Пока только один – Руслан.

– А Соколовский? – выпучила она глаза. – Не красавчик тебе, что ли?!

Взглянула туда, где сидел Стасик и заметила, что он сидит без привычной плутовской полуулыбочки и без блондиночки на колене.

Словно почувствовав моё внимание на своей кудрявой голове, он поднял взгляд и коротко посмотрел мне в глаза. Поднялся со стула, закинул рюкзак на плечо и направился к выходу из столовой, поселив в груди странное чувство вины.

– А Соколовский был, да весь вышел, – усмехнулась я, глядя ему в спину.

Глава 12

– Ты умеешь с утра просыпаться и дарить этому миру улыбку? – спросила меня Юлька, пока я вытряхивала своё тельце из казенного одеяла.

Сделала большой и очень продолжительный вдох и такой же выдох, чтобы соседка в полной мере без слов осознала, в какую степь трёхбуквенную ей нужно скакать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.